

УДК 140.8 + 329.1

А. В. Скоробогатько

«Серединная линия» в русской политической мысли

В статье анализируются концептуальные направления русской социальной философии, динамика социокультурного процесса становления и развития русского общества. Раскрывается потенциал сопряжения демократических институтов с ценностями консерватизма П. Б. Струве, дается оценка концепта государства как элемента структуры общественного идеала П. Б. Струве.

Ключевые слова: *сила, свобода, правительство, политическая мысль, консерватизм.*

A. V. Skorobogatko. «The median line» in Russian political thought.

The article analyzes the conceptual directions of Russian social philosophy, the dynamics of the socio-cultural process of formation and development of Russian society. It reveals the potential pairing of democratic institutions with the values of conservatism of P. Struve and assesses the concept of the state as an element of the structure of the social ideal of P. Struve.

Keywords: *power, freedom, government, political thought, conservatism.*

Знакомство с историей русской социальной философии и с тем, что писалось о ней, привели к мысли о «серединной линии» в русской философской культуре. Наличие этой серединной линии отрицал Н. А. Бердяев, полагая, что русской культуре не свойственно быть серединной. На наш взгляд, такая серединная линия у нас представлена и берет свое начало с ранних славянофилов (Хомяков, Киреевский) через Данилевского и Леонтьева к Вл. Соловьеву и философам русского ренессанса — Булгакову, Бердяеву, Франку, Новгородцеву, Струве. Именно эти философы и сделали предмет своего анализа русскую национальную идею, русский общественный идеал. Несмотря на противоречия во взглядах, иногда неприми-

римые, особенности видения каждым из перечисленных философов русского общественного идеала, перед нами представители той линии в русской философии, которая наиболее последовательно выдержала установку на исследование русского национального сознания не только в тематике, но и во многом в методе изучения.

Преимущественно в рамках выделенной группы социальных философов шел анализ социокультурного процесса становления и развития русского общества. Большинство остальных направлений общественной мысли страдают излишней политизированностью. Это было характерно как для русских революционных демократов, анархистов, марксистов, так и для представителей консервативно-охранительной линии. Нарочитое стремление уйти от политики было свойственно и ранним славянофилам (Хомякову, Киреевскому) и тем, кто в начале XX века определил для себя идеализм и религию как основную тему творчества (Бердяев, Булгаков, Франк, Новгородцев, Струве). Их интересует главным образом социальная жизнь общества в широком смысле этого понятия, а не только политика. Отсюда предмет их интереса — общественный, а не политический идеал, и этим они «серединные».

Традиции, сложившиеся в социальной мысли, сохраняются и в нынешних трактовках идейного наследия прошлого. Деление общественной мысли на либеральную и консервативную сохраняется и, более того, уже в реальной жизни общества принимает форму конфликта. В этой связи хотелось бы напомнить, что именно в России зародилось такое идейное и общественно-политическое направление, как либерал-консерватизм. Основателями этого направления являлись Б. Н. Чичерин и П. Б. Струве. Концепция Б. Н. Чичерина закладывает общие контуры концепции, её теоретические основания. К достоинствам его идейного преемника стоит отнести попытку создания концепции социально-политического развития России на историческую перспективу. На этом основании нам представляется желательным донести до современного читателя основные положения этой теории. В ней, с нашей точки зрения, наиболее последовательно прослеживается принцип «серединности» как наиболее продуктивный вариант развития. В начале XX века, работая в журнале «Освобождение», Б. П. Струве приступает к выработке теории, сочетающей идеи демократического либерализма с консерва-

тизмом. Соответственно, период 1902—1903 годов является решающим в оформлении основных контуров его консервативного либерализма.

В либерализме П. Б. Струве ценит «истинный национализм», который предполагает «подлинное уважение к самоутверждению национального духа, то есть признание прав его живых носителей и творцов на свободное творчество и искание, создание и отвержение целей и форм жизни» [5, с. 542—543]. В русском консерватизме он не приемлет попираания прав личности, принесения ее в жертву обществу и государству. Струве требует различать либерализм в «узком» и «широком» смыслах. В «узкий» смысл он вкладывает принципы экономического и политико-правового классического либерализма, предполагающего частную собственность, экономическую и политическую свободу, идеал «права и прав».

Либерализм в широком смысле он считает истинным либерализмом, его он именует национальным либерализмом. Такой либерализм, по его мнению, необходим в переломные эпохи, когда существует угроза целостности государства. Национал-либерализм может стать основой национально-государственного патриотического идеала, способного сплотить общество. Чем весомее опасности переломной эпохи, тем более, по его убеждению, должны сливаться и сближаться национальные и либеральные начала общественной жизни.

Как консервативный либерал, П. Б. Струве отстаивает духовные начала нации, религию, порядок, государство. Для него консерватизм это «почтение к быту, признание традиций уважения к веками сложившимся иерархическим формам, как свободное признание веры» [5, с. 204]. При этом он не приемлет официального консерватизма как «узкого» направления практической политики и осуждает консервативную казенщину, проникнутую рационализмом и иссушающим реализмом.

Струве был убежден в совместимости свободы и сильной либеральной власти, новаторства и традиций, творчества и многовековых устоев культуры. Он писал о необходимости сопряжения демократических институтов с ценностями консерватизма. Эта концепция являлась социально-политической программой развития России и вариантом модернизации для страны «догоняющего» типа разви-

тия. Он предполагает сохранение фундаментальных политических, культурных, религиозно-нравственных традиций.

Одним из центральных элементов теории Струве является личность. Генезис и содержание либеральной идеи, цели общества и задачи государства, содержание политики, социальные реформы, культуру он рассматривает в неразрывном единстве с личностью.

Личность, по мнению Струве, должна формироваться на консервативных и либеральных ценностях. Условиями ее социализации должны являться религия, собственность, право. Личность должна быть воспитана на национально-либеральных идеалах «наследства и почвы», «права и прав», «компромиссной политики», «государственной мощи», «дисциплины труда». Если в классическом либерализме предполагается приоритет личностного начала перед общественным и государственным, то в его национал-либерализме для личности приоритетны общество и государство.

В основе его философской концепции личности лежала типично либеральная идея личной свободы. Он не признавал определения свободы как осознанной необходимости. Свобода для него — это испытание и способ совершенствования прежде всего личного сознания. Каждая личность, считал он, может ставить цели и стремиться к их осуществлению только «при сознании своей свободы». Государство должно, по его мнению, создать политические и экономические гарантии такой свободы, и поэтому оно должно признать необходимость индивидуальной частной собственности.

От личности отталкивается Струве при анализе религиозного происхождения либеральной идеи. Он отмечает, что идеи «личного подвига» и личной ответственности за себя и за мир возникли в протестантизме и стали важнейшими элементами либеральной идеологии.

Струве считал, что русскому обществу и русскому либерализму не хватает «здорового религиозного индивидуализма», который восходит к христианским идеям «личной ответственности и личной годности». Об этом он пишет неоднократно, это одно из центральных звеньев его либерально-консервативной теории.

В статье «Индивидуализм и социализм» [3, с. 151—160] он прямо указывает на то, что эта идея родилась в протестантизме и предполагала рассматривать личность целью, а общество — лишь сред-

ством или орудием осуществления целей личности. Струве при этом отмечает, что такой вариант взаимоотношений личности и общества является скорее идеалом и ни в одном самом либеральном устройстве общества не получает полного воплощения. В России же общественное целое всегда становилось выше личностного начала. Струве также хорошо понимал, что при всей притягательности и ценности принципа соборности, о котором писали славянофилы, он являлся скорее теоретическим, «идеальным» решением проблемы личностного и общественного, и не имел практического воплощения в русской социально-политической действительности. «Все те мыслители, которые утверждали не только реальность, но высшую ценность — сравнительно с личностью — социального целого (общества или государства), учили философскому социализму», — пишет Струве [3, с. 157]. Такой социализм оказался наиболее близок России.

Сторонники его полагали, что с переходом к приоритетности коллективного, общественного над личностным не только устраняются стихийность и анархия в жизни общественного организма, но и автоматически возрастает богатство целого, его мощь и значение. Струве, напротив, считал, что рост экономического богатства строится на возрастании личностных свойств и качеств личности. «Идея личной ответственности и годности» противопоставляется безличной коллективности, в которой человек нивелируется социальным целым. П. Б. Струве, как и П. А. Столыпин, осознавал необходимость социально-экономической реформы в России, главным составляющим которой могла являться экономически зрелая личность. В России, считал он, должна появиться «годная», то есть конкурентно способная на рынке труда личность. Новый тип личности, к которому призывал Струве, предполагал ответственное отношение к себе, к обществу, к собственности.

В этом подходе прослеживается несвойственный русскому мировоззрению подход к человеку и его роли в обществе и мире в целом. Струве своей идеей «личной годности», «личной ответственности» так или иначе вторгался в православно-христианскую этику, рассматривающую человеческую жизнь с эсхатологических позиций, как подготовку к «истинной» жизни после земной несовершенной. Духовный максимализм православия не может допустить, что эконо-

мическая деятельность, особенно по приобретению собственности, является благом, ради которого стоит жертвовать и страдать. Для нее служить материальному — значит служить конечному, «царству мертвых». В этом коренные расхождения этики протестантизма и православной этической традиции, и на этом основании идеи Струве не могли получить поддержки. Можно было рассчитывать скорее на обратную реакцию, особенно со стороны ортодоксальной, консервативной общественной идеологии. Попытка П. Струве привести в социальную жизнь русского общества элементы западной культуры, западного мировоззрения объективно натолкнулись на православное видение мира, в котором и труд, и социальная деятельность и особенно мораль основываются на православной догматике, представляющей собой органическое целое, в котором все элементы важны и равноценны.

Другим не менее значимым элементом структуры общественно-го идеала П. Б. Струве является государство. Следует сразу же отметить, что он не противопоставляет личность государству. Для него эти начала в равной степени значимы и предполагают друг друга.

Государство у Струве является центральным понятием, в круг которого выстраиваются все остальные, такие как нация, право, социализм, религия, культура, политика, патриотизм, личность. Любое понятие для него значимо лишь в его отношении к системообразующему началу, каким Струве считал государство.

П. Б. Струве, как и К. Н. Леонтьев, был ярко выраженным государственнымником. В рамках его концепции он понимал государство само по себе как ценность, как особый «аспект сверхличностного человеческого бытия». Он отошел от марксистского положения о сущности государства как организации классового господства и встал на точку зрения понимания государства как организации упорядочения и стабилизации общества.

Родовыми признаками государства он считает, с одной стороны, принудительную власть, а с другой — его «консенсусную» функцию упорядочения, примирения различных социальных и политических групп. Последней функции он придает особую значимость, видя в ней способность вести к общественной солидарности.

Для него и народники, требующие «чудес от государства», и марксисты, видящие в нем только исторически преходящую форму

господства, не понимают «социологическую» природу государства как организации порядка и господства.

По мнению Струве, в задачи государства входит не только «охранение» правового порядка, но и частичное вмешательство в экономическую жизнь. Этим он также отличается от классического либерала. Он особо отмечает, что в процессе становления раннего капитализма государство должно содействовать смягчению крайностей процесса обезземеливания крестьян.

В «Справках о государстве» (1908) Струве признает за государством особую мистическую сущность. «Государство есть существо мистическое, обладающее сверхиндивидуальной, сверхразумной природой... Между силой отдельной личности... и мощностью государства существует соотношение, покоящееся не на рациональных, а на религиозных началах... Мистичность государства... обнаруживается в подчинении отвлеченной для огромного большинства идее внешней государственной мощи... подчинении не внешнему, а внутреннему и моральному, в признании его могущества как общественной ценности» [2, с. 64—65].

Для Струве понятие «государственности» предполагает единство нации и государства. В их «спаянности», покоящейся на интегрирующей национальной идее, скрепленной религиозно-нравственным и патриотическим чувством, заключена сила и мощь государства. Государственность, считает он, — это государство плюс национальный дух, единство национального и государственного начал, государство — нация в единстве.

Национал-либеральная теория П. Струве естественно предполагает смещение акцентов на национальную проблематику. Как и в предыдущих случаях, взгляд на эту проблему у Струве по-своему оригинален.

Струве отмечает, что следует различать реакционный национализм, который подавляет права нерусских народов, и последовательный, здоровый национализм, который есть одновременно и «конституционализм», и «истинный национализм».

По отношению к нациям, считает он, существуют два вида национализма. Один — свободный, творческий, открытый и в лучшем смысле слова «завоевательный», а другой — скованный, пассивный, закрытый, замкнутый, «оборонительный». Классическими носите-

лями завоевательного национализма, по его мнению, являются англосаксы. Историческими носителями оборонительного национализма являются евреи.

Только национализм первого типа способен создать и сохранить империю. С этой точки зрения русское государство должно проводить национализм первого типа, ибо он есть свидетельство силы и здоровья большой нации. Вопрос о том, быть или не быть великой России, он связывает с проведением такой национальной политики, как «завоевательный национализм». В этой связи следует заметить, что такой социальный мыслитель, как И. Л. Солоневич, имел в виду именно такую национальную политику как решающий фактор возникновения Российской империи [1].

В статье «Интеллигенция и национальное лицо» (1909) Струве отмечает, что понятия «русский человек» и «российский человек» следует различать. Он считает, что инородцев нельзя сделать «русскими», поскольку за ними стоит иная духовная культура. Струве отвергает «расовое», «антропологическое» и «этническое» понимание национальностей. Национальность в его понимании — это духовные притяжения и отталкивания, которые обитают в человеческой душе, в культуре.

Для Струве важнее и ценнее не «класс», а «нация». В отличие от класса, нация — это не социально-экономическое понятие, а «культурная общность», «духовное единство». Национальное сознание, считает он, образует нацию как сознание классовое — класс. «В основе нации всегда лежит культурная общность в прошлом, настоящем и будущем, общее культурное наследие... Ценность и сила нации есть ценность и сила ее культуры, измеряемая... культурным творчеством» [2, с. 67]. Нация, отмечает он, конституируется и создается национальным сознанием. «Национальная идея скрепляет государство, придавая ему целостность, единство и стабильность: нация — «объединяющая», интегрирующая категория, тогда как класс — «разъединяющая», поэтому важнейшей задачей является «воспитание индивидов и масс в национальном духе» [4, с. 473].

В 1903 году Струве опубликовал программную статью по возрождению национальной государственности России на идеях нации, отечества, частной собственности, религии, свободы личности и мощи государства и назвал ее «Великая Россия». В этой статье наиболее полно выражен его либерально-консервативный идеал развития

русского общества. Его важнейшими составляющими он считал свободу и порядок, ответственную и социально зрелую («годную») личность, культурно-историческую преемственность, общественное и государственное единство России.

Здесь же он высказывает мысль о том, что государство — это личность «соборная» и оно стоит выше всякой личной воли. В таком виде разрешает он проблему личности и государства.

Струве считает, что у государства есть свой верховный закон бытия — желание обладать внешней мощью. Вопреки большинству политических теорий он утверждал, что внешний суверенитет «старше» внутреннего, так как государство во внешнем бытии предстает как целостная личность и реально обнаруживает свой надындивидуальный смысл. У Струве внешняя политика должна определять внутреннюю, а не наоборот.

Внутренняя политика, согласно Струве — это политика общества и политика власти. «Политика общества должна начать с того, чтобы... противогосударственному и противокультурному духу противопоставить новое политическое и культурное сознание, содержание которого состоит в утверждении:

- 1) идеала государственной мощи (и для народа, и для политической элиты);
- 2) идеи дисциплины труда (как главного условия государственной мощи и основы культуры);
- 3) идеи права и прав (предпосылок правового государства).

Эти три составляющие консервативного либерализма должны, убежден он, образовать железный инвентарь нового политического и культурного сознания русского человека» [2, с. 55].

Внутренняя политика, считал Струве, кроме того, должна базироваться на идее «государственного национализма», идее не только политической, но и духовно-нравственной, которая сплачивает все население в единстве государства-нации. Государство и нация должны органически срастись, дополняет он, но не в социально-экономическом смысле, а в духовно-культурном.

В целом же, считает Струве, политика власти должна быть проникнута идеалом Великой России, а для этого необходимо:

- 1) преодоление разрыва между властью и народом;
- 2) решение инородческих вопросов;

3) обеспечение равных гражданских и политических прав, принятие конституции;

4) проведение политики гражданского мира и согласия, для чего необходимо наличие «среднего элемента» — подлинного носителя права, свободы и собственности.

Общественный идеал П. Б. Струве, вытекающий из его работы «Великая Россия», может быть сведен к следующему: 1) сильное государство, основывающееся на идее «государственного национализма»; 2) идея личной годности, личной ответственности; 3) сохранение национальной культуры и традиций; 4) религия; 5) частная собственность.

Либерально-консервативный идеал П. Струве представлен и в его «Отрывках о государстве» (1908). В этой статье он, в частности, обращает внимание на роль языка в культуре нации и государства. «На стволе государственности, пишет он, развился язык как орган и выражение национальности и ее культуры» [3, с. 206]. Со смертью государственности не погибают национальность и язык нации. Они, вместе с тем, могут стать основанием для ее возрождения, считает он.

Следуя логике П. Б. Струве, можно заключить, что со смертью языка и национальности у государства нет шансов на возрождение. «Государственное тело», пишет он, формируется культурным творчеством, духовными силами нации. «Можно ненавидеть свое государство, но нельзя ненавидеть свою нацию, заключает он, поскольку в ней заключен смысл бытия каждого человека» [3, с. 207].

В статье под названием «Россия» (1922) П. Б. Струве рассматривает причины революции 1917 года и считает, что в основе кризиса лежали не только политические, экономические, социальные, но и иные причины. К таким причинам он относит кризис народного духа. Этот фактор он делает центральным в анализе причин происшедшего в России переворота.

По его мнению, в России получили развитие и оказали решающее воздействие на социально политические процессы два направления в духовной жизни общества. Одно связано с особой религиозно-философской природой русского общественного сознания, которую наиболее точно и полно выразили славянофилы и Достоевский. Другое связано с атеизмом, который, по словам Струве, «раздул и обострил всю антирелигиозную традицию человечества, соединив ее с

максимализмами во всех других областях — в области экономической, социальной и политической» [3, с. 333]. Струве выступает против попыток сливать два этих потока и рассматривать их в единстве.

В основе первого потока, считает он, лежат две идеи, два начала: 1) идея нации как соборной индивидуальности, в которой погружена, из которой питается человеческая личность, как нечто от этой силы не механически, не в порядке приказа зависимое, а органически, любовно, покорно ей подчиняющееся; 2) идея благодати, идея индивидуального и коллективного Божия призвания.

Второй поток мог, по его мнению, превратиться «в приличное «свободомыслие» того типа, который в историческом развитии мыслей приобрел свое классическое выражение, например в английском философском радикализме» [3, с. 333]. В России же это направление вылилось в нечто иное, что нам теперь хорошо известно.

Русскую революцию Струве рассматривает как столкновение двух духовных содержаний, как борьбу двух политических идеалов, приведших к появлению гибридных идеологий. К ним он относит евразийство и национал-большевизм. Оба эти течения общественной мысли механически, внешним образом соединяют национальную традицию с элементами, ей не принадлежащими. Это относится главным образом к евразийству. Национал-большевизм же является идеализацией большевизма с национальной точки зрения, считает Струве.

Причины революции Струве видит в двух чертах развития общественного сознания. У интеллигенции, в силу ее обращенности к Западу, сложилось социалистическое мировоззрение. У народа же, в силу аграрного развития России, не выработалось ни привычек, ни идей собственности. В России, пишет он, вместо понятия «крестьянская собственность» господствовало понятие «крестьянский надел», «институт собственности не сделался еще привычкой, не стал еще прочным регулирующим началом жизни народных масс» [3, с. 341]. Институт собственности оказался беззащитным с двух сторон: от него духовно отреклась интеллигенция, проникшись социалистической идеологией; народ, в силу зачаточности и непоследовательности реформ Столыпина и Кривошеина, еще не мог прийти к осознанию ее значимости. Отсюда, делает вывод Струве, революция ударила не по феодализму, как утверждали большевики, а по элементам и росткам собственности в России.

В России, считает Струве, революция погубила не только ростки собственности, но и те правовые, хозяйственные и административные достижения, которые имел уже «старый порядок». Струве отмечает, что в России в значительной мере юридически господствовал принцип свободы промышленности, а уголовно-гражданская процедура в основе своей была процедурой революционно-императорской Франции.

Обращает внимание Струве и на религиозный фактор общественного развития. Он отмечает, что на Западе произошло изменение основ христианской веры, получившее название реформации. Струве по-веберовски трактует роль и значение реформации. «Реформация означает секуляризацию христианской морали, и превращение в дисциплину и методику ежедневной жизни, если угодно ее «обуржуазение» [3, с. 344]. В России реформации не было. В России, по его мнению, была религия и религиозность, но в ежедневную жизнь как дисциплинирующее начало религия не проникла. Это, считает Струве, едва ли не самый многозначительный факт русской истории. «В духовной и социально-политической эволюции русского народа выпало звено, которое для эволюции западных народов столь же или, быть может, еще более существенно, чем феодально-крепостной строй и городские учреждения» [3, с. 346].

Идея личной ответственности и годности Струве, безусловно, связана и логически вытекает из протестантизма. Сам же Струве, в силу деликатности вопроса, не предлагает пересмотреть догматы православной веры. Он лишь указывает на тот факт, что религиозный фактор в России не способствовал формированию и укреплению буржуазных отношений, как это имело место на Западе. Это достаточно основательно показал М. Вебер в своей известной работе «Протестантская этика и дух капитализма».

П. Струве значительно раньше, чем многие из русских социальных мыслителей, осознал общественную значимость религиозного фактора. Не предлагая русскому православию встать на позиции протестантизма, Струве, однако, хотел заимствовать из него некоторые элементы. В его позиции прослеживается определенный утопизм, поскольку он видел возможным включить идею личной ответственности, личной годности в общественную мораль русского общества. Сам он, очевидно, осознавал, что на том историческом этапе

развития России это маловероятно. Народ пребывал в основной своей массе в патриархальных отношениях и делал лишь первые шаги на пути строительства гражданского общества, общественной морали, в том виде, какой она сложилась на Западе.

Православие могло гордиться тем, что не изменило своему идеалу, одержало тем самым победу в области духа, но оно не помогло преодолеть общенациональный кризис. Сохранив в чистоте принципы своей веры, православие вместе со всем обществом потерпело на том этапе историческое поражение и подверглось жесточайшему преследованию.

Проблемы, поставленные П. Б. Струве в начале XX века, остаются актуальными и на сегодняшний день. Вполне возможно, что эти проблемы не имеют однозначного решения и будут оставаться нерешенными и в XXI веке.

Теоретический и практический опыт прошлого может быть востребован, но для этого необходимо осознание необходимости нахождения консенсуса на основе поиска общих ценностей. С нашей точки зрения, наихудшим для общества является процесс движения к общественному расколу, за которым всегда следует экономический, социальный и политический кризис. Не хотелось бы повторения ошибок прошлого.

В канун столетнего юбилея двух революций необходима интенсивная работа представителей общественных наук всего общества в направлении выработки общественного консенсуса по принципиальным вопросам отечественной истории. В этой связи теоретический опыт русской социальной философии, ее попытки описать и сформулировать «серединную линию» в общественном сознании, в общественной идеологии весьма плодотворны и имеют несомненную ценность на современном этапе развития российского общества.

Смещение политического вектора к «середине» имеет место и в глобальных тенденциях мирового политического процесса. Глобальный Запад со всей очевидностью движется в противоположном от своего прошлого курсе направлении. Сколь далеко отклонится «маятник» исторического процесса вправо — покажет время. Однако уже сейчас можно констатировать, что система тяготеет к равновесию, нахождению относительного сочетания элементов интегративных и того, что отвечает за стабильность частей, за авто-

номность подсистем. Безусловную опасность представляет скатывание государств в борьбу противоположных сил и структур, но еще большей опасностью является скатывание мира в крайние полюса, в глобальное противостояние. Человечество знает, какую цену приходится платить за мировые кризисы и войны. К сожалению, можно констатировать, что мировая политическая система движется к поляризации и блоковому построению мира. Библейская истина о том, что мир, раздвоившийся в себе, не устоит, не стала аксиомой политического мышления современного человека. Поиск «золотой середины» в теории и практике мировой политики остается пока недостижимым идеалом человечества.

* * *

1. Солоневич И. Л. Народная монархия. М.: Феникс ГАСК СК СССР, 1991.
2. Струве П. Б. PATRIOTICA: Политика, культура, религия, социализм / сост. В. Н. Жукова, А. П. Полякова. М.: Республика, 1997.
3. Струве П. Б. Избранные сочинения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999.
4. Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. М., 1991.
5. Струве П. Б. На разные темы (1893—1901) : сборник статей. СПб.: Типография А. Е. Колинского, 1902.